

Глава 4. Начало.

Через полчаса концерт не начался.

Через час — тоже.

На вошедшем в свои естественные границы человеческом поле начало вибрировать волнение. Рождавшееся в разных его концах и неуловимое поначалу, оно, словно повинувшись силе притяжения, ручейками стекалось к середине, откуда, вобрав в себя все вибрации, рождённые ожиданием и недоумением, неотвратно катилось к свежестроенной сцене. Передние ряды вливались со своими чувствами и эмоциями в это облако, и вскоре над Вудстоком сгустилась невидимая, но настолько ощущаемая всеми грозовая туча ожидания, время от времени искрившая недоумёнными вопросами и самыми нелепыми предположениями, что, казалось, вот-вот разразится... Что именно? — не знал никто. И никто даже не хотел думать, чем может обернуться волнение и ожидание полумиллиона человек, многие из которых уже приняли изрядную дозу наркотиков.

* * *

17.03 15 августа 1969г.

— Ричи, выручай. Ты идёшь шестым, но по сути ты сейчас единственный. Тимми Хардин вообще невменяем — пока его приведут в норму, пройдёт ещё час, если не больше. Нас просто сметут за это время. Ты посмотри, сколько их там... А мы-то с Джоном думали, что будет не больше двухсот тысяч.

Молодой — не старше тридцати лет — негр интеллигентного вида, настраивающий свою гитару, удивлённо смотрит на стоящего перед ним длинного, худого, с тонкими чертами лица и длиннющими прямыми волосами босоногого молодого человека, одетого в одну лишь кожаную безрукавку на голое тело и донельзя истрёпанные джинсы:

— Но я ведь ещё не готов...

— Ричи, хоть что-нибудь. Хоть какие-нибудь песни. Вокруг камеры — куча камер. Фильм снимать будут. Ты представляешь этот бунт на киноплёнке, если мы не выпустим хоть кого-нибудь?... Там же все угашенные напрочь. Да от одного дыма марихуаны можно с катушек съехать за целый день — сам разве не чувствуешь?

— Что да — то да, — понимающе улыбается негр. — Но, Майки...

— Ричи, сколько у тебя есть песен?

— Ну... не знаю. Минут на тридцать-сорок.

— Займи их. Не хватит — пой каверы. Ты ж прекрасно «битлов» делал, я помню.»Sweetwater«должны прилететь на вертолёте, нам надо до их прилёта продержаться. Или до любого, кто объявится. Может, этот чёртов Хардин в себя придёт...

— На вертолёте? — Брови Ричи удивлённо ползут вверх.

— Да, Ричи, да. Пробки. Все шоссе забиты под завязку — до Уоллквилля, до Монтичелло. Да что говорить — Нью-Йоркскую автостраду всю парализовало. Мелани звонила в отель к Тайберу из Нью-Джерси, сказала, что по Семнадцатому шоссе даже пройти нельзя, не то что проехать. Всех будем доставлять на вертолётах — Робертс с армейцами уже договорился. В общем, я дам тебе сигнал, когда заканчивать. Всё, пойдём. Я объявлю тебя.

Негр понимающе, с еле уловимой ноткой обречённости кивает аккуратно подстриженной

головой, поднимается, берёт не до конца настроенную гитару и вместе с собеседником выходит на переднюю часть сцены. Через несколько секунд в напряжённой тишине звучат первые приветственные слова этого вечера, обращённые к зрителям, а буквально через минуту раздаются первые аккорды первой песни — Орфей успокаивает толпу...

* * *

... Негра звали Ричи Хейвенс; разговаривал с ним, а после представлял его публике один из организаторов этого безумного во всех смыслах концерта — Майкл Лэнг. Так началось первое выступление на самом грандиозном в мире фестивале — «ярмарки музыки и искусств», как гласила реклама.

Одни часы показывали 17. 07, другие — 17. 08...

* * *

Чарли выбрал удачное место, откуда всё было видно и слышно, но при этом звук стереосистемы не давил на уши, хотя общаться между собой было всё равно трудно. Они разместились возле мотоцикла, уложив спальные так, что девушки могли полулежать, опираясь о сидение, и наблюдать за выступавшими. Хейвенс был им незнаком, но его фолк-песни с интонациями соула и госпелза пришлись по душе: Стюарт пару раз видел, как Флоренс даже подпевала в некоторых местах, на слух ловя строчки от соседей, также подпевавших певцу. Когда же негр, растерянно-воодушевлённый оказанным ему тёплым приёмом, перешёл на собственные версии песен «Битлз», зрительский отклик достиг предела: чуть ли не пол-поля подпевало ему в «Элинон Ригби», и Стюарт с друзьями не были исключением, горлая во весь голос «Ah, look at all the lonely people...». Правда, никто из них не заметил, что Флоренс пела через силу, с трудом сдерживая тошноту и время от времени кусая губы и сгибаясь пополам, чтобы случайно не закричать от болей.

Песни закончились, но Хэйвенса не отпускали: слушатели хлопали и просили ещё. Все видели, как он растерянно обернулся, ища кого-то глазами в глубине сцены, но, видимо, никого не найдя, постоял с пол-минуты в нерешительности и вдруг акапельно запел старый негритянский спиричуэлс, сочинённый чуть ли не в XVIII веке африканцами, насильно вывезенными в колонии Нового Света:

Sometime I feel like a motherless child

So far away from my home...

Он пел так надрывно и обречённо, что казалось, будто он сам только что вернулся с луизианской хлопковой плантации после целого дня изнурительной работы под немилосердным южным солнцем и плёткой надсмотрщика, так похожего на это жестокое, чужое для негра солнце. Слушатели молчали, впитывая в себя боль двухвековой давности, которая странным образом оказывалась созвучной событиям 60-х годов — убийству Мартина Лютера Кинга, негритянским митингам за гражданские права, войне во Вьетнаме, кровавому, с жестокими смертями разгону чикагской антивоенной демонстрации годичной давности... А Стюарт, будучи убеждённым пацифистом, прятавшимся в нью-йоркской коммуне хиппи от призыва во Вьетнам, вдруг стал понимать причины агрессии членов «Чёрной пантеры» — леворадикальной анархистской негритянской организации, уже наводившей ужас на «белых англо-саксонских протестантов» Америки.

Однако вскоре тон спиричуэлса изменился, и негр страдающий превратился в негра гневного, выкрикивающего во Вселенную слово «Freedom!». В оригинальном тексте этого не было — Ричи импровизировал на ходу, — но этот клич словно разбудил поле; его подхватили

все собравшиеся, и вскоре он превратился в нечто вроде грозного призыва «Марсельезы», валом катившийся по окрестностям.

Как начало темнеть, никто не заметил. Хейвенс закончил свою импровизацию уже в темноте под такой шквал аплодисментов, что за ним даже не было слышно шум винтов армейского вертолётa. Только Льюис краем глаза заметил движение каких-то огоньков в небе по направлению к пруду и ткнул в бок Чарли, пытаясь привлечь его внимание, но тот отмахнулся от него. Наконец Хейвенс ушёл, и на его место буквально выпихнули Берта Соммера, сунув ему в руки гитару всё ещё не пришедшего в себя после передозировки Тима Хардина: Соммеру нужно было спеть всего пару песен, чтобы прилетевшие «Sweetwater» могли хотя бы выгрузиться из вертолётa со своими конгами, виолончелью и флейтой и дойти до сцены.

И только-только над полем раздался тёплый хрустальный голос русоволосой восемнадцатилетней нимфы Нэнси Невинс, начинавший под флейту и клавиши скороговоркой выводить «Here we go again», как вдруг Льюиса цепко схватили за руку и сжали так, что парень невольно вскрикнул. Обернувшись, он увидел огромные глаза Флоренс, в которых плескалась боль.

— Что случилось, Фло? — растерянно спросил парень, но тут же перебил сам себя вопросом: — Что, уже?..

Флоренс молча кивнула, закусывая губу и еле сдерживая крик.

Льюис в растерянности огляделся.

Голос Нэнси, поддержанный уверенными мужскими подпевками в припеве, светлым вибрирующим пятном разливавшийся в тёмном вечернем воздухе далеко по окрестностям, набирал силу, которую трудно было предположить, глядя на её утончённую хрупкую фигурку аристократки. Все, не отрываясь, смотрели на сцену, словно замороженные, так что казалось святотатством говорить, например, тому же Стюарту о таких земных житейских неприятностях, как роды. Но спускаться с небес на землю было необходимо, и Льюис тронул Стюарта за плечо. Тот обернулся и по лицу друга всё понял. Его вновь охватил почти забытый дневной нервный озноб, и чтобы его скрыть, он сказал первое, что пришло в голову:

— Её надо поудобнее переложить... И подложить под неё что-нибудь.

Он встал со своего спальника, скатал его и толкнул Чарли:

— Помоги Фло приподнять.

Чарли очнулся от музыкальной нирваны, встал и, не задавая лишних вопросов — спрашивать было просто не о чем — вдвоём с Льюисом стал приподнимать девушку так, чтобы Стюарт мог подложить под неё валик. Их возню время от времени прерывали аплодисменты и крики «браво!». Со стороны могло показаться, что аплодируют им, хотя на самом деле подбадривали музыкантов. Нэнси, поначалу волновавшаяся и певшая слегка напряжённо, очень быстро освоилась, и её эклектичные песни, в которых психоделика неожиданно органично смешивалась с фолковыми и кантриевыми мотивами, напоминали теперь полноводную реку. Но мужчинам было сейчас не до неё...

— Разденьте Фло, — посоветовала Молли, на минуту привлечённая суетой вокруг мотоцикла.

— Или хотя бы низ задерите.

Флоренс замотала было головой, но нервничавший Льюис шикнул на неё «Да кто тебя видит!», и девушка покорно обмякла. В это время ребёнок в ней дёрнулся, и она вскрикнула. Воспользовавшись этим, мужчины уложили девушку так, что её таз оказался выше головы, и

завернули подол её наряда, обнажив девичьи бёдра.

— Молли, что ещё можно сделать? — шёпотом спросил Чарли.

— А я вам что, акушерка, что ли? — злым шёпотом отозвалась девушка — Ей сейчас больно будет — схватки начинаются. Фло, слышишь меня?

Флоренс с трудом повернула голову на звук голоса.

— Ты, главное, дыхание не задерживай. Поняла меня? И медленно старайся дышать...

Девушка бессильно кивнула. Тем временем Стюарт вытащил из кармана таблетку, присел возле неё и, заглянув в глаза, сказал:

— Фло, открой рот...

Флоренс, ничего не соображая, послушалась, но Чарли перехватил руку Стюарта:

— Это что такое?

— «Кислота», — кратко пояснил тот. — Мне днём сегодня дали. Может, хоть так ей легче будет...

— Ты хочешь, чтоб она рожала под кайфом? — не поверил своим ушам Льюис — Ты в своём уме?

— А ты свой ум давно в Нью-Йорке оставил, как я посмотрю, — со злостью проговорил парень, вырвал руку от Чарли и, прежде, чем кто-то что-то успел сделать, вкинул таблетку в рот Флоренс, одновременно запрокидывая ей голову. Девушка поперхнулась и закашлялась, вместе с таблеткой проглотив и крик: ребёнок снова шевельнулся.

Льюис перебрался ближе к Стюарту и почти прошипел ему на ухо:

— Заруби себе на носу: если с ней что-нибудь случится...

— Лью, отстань, — отмахнулся от него Стюарт. — Ты забыл, что Фло раньше была моей девушкой? Ты что, думаешь, что я могу ей причинить боль или сделать плохо? Или тебе напомнить, кто потащил всех нас на этот фестиваль? Лучше следи за ней. И воду держи недалеко от себя...

С минуту оба смотрели друг на друга: Льюис — испепеляющим взглядом, Стюарт — неожиданно усталым и несколько отрешённым. Наконец Льюис пробормотал какое-то ругательство и вернулся на место.

Тем временем «Sweetwater» исполнили уже все песни из своего первого и единственного на тот момент альбома; Нэнси тепло поблагодарила всех за приём, оказанный малоизвестной группе, и музыканты удалились...

* * *

20. 55 15 августа 1969 г.

— Тим, ты стоять хоть можешь? А петь? Тебе выходить сейчас...

Молодой человек с растрёпанными тёмными волосами бездумно улыбается, глядя на непривычно озабоченного Майкла Лэнга:

— Я? Я всё могу. Стоять могу... петь могу... летать могу... Что надо сделать, Майки? Хочешь, своей энергией с тобой поделюсь? А то ты какой-то грустный...

— Тим, делиться со мной ничем не надо. Надо просто выйти и спеть несколько песен. Слышишь меня?

— Конечно, слышу. Сколько надо петь? Час? Два? Сутки? Двое? Я всё могу, Майки. Ты знаешь, как Господь создал Землю за шесть дней? Он наглотался перед этим «кислоты» — и всё смог. За шесть дней. Поэтому у него кое-что и не получилось. — Молодой человек хихикает. — Поэтому и родились на свет такие ублюдки, как Ли Харви Освальд, Линдон

Джонсон и Ричард Никсон. А я сейчас — как Господь: выйду — и создам свою Вселенную. И моя паства там — парень кивает в сторону публики — мне в этом поможет.

— Слушай, Тимми, Господь ты наш обдолбанный, нового создавать ничего не нужно. Мы пока и в старом мире поживём, ладно? Просто чуть-чуть его подправим, чтоб не так воняло. А для этого надо, чтобы ты вышел и кое-что спел, если ты в состоянии. О#039;кей, Тим? Тебя представить?

— Не надо. Зачем? Господь никому в представлении не нуждается... — Молодой человек поднимает руку с гитарой. Его слегка шатает, но он чудом держится на ногах и в таком состоянии выходит на освещённый участок сцены. Через какую-то минуту слегка фальшиво начинает звучать вступление к песне «If I were a carpenter».

Майкл Лэнг облегчённо выдыхает и слышит приглушённый смех. Он оглядывается и видит сидящего в позе лотоса прямо на сцене смуглолицего индийца, настраивающего ситар и одновременно тихонько наигрывающего на нём что-то вязко-сказочно-восточное.

— Я видел, как на Монтерее обдолбанный вусмерть Дино Валентино пел, — сообщает он между делом с протяжным акцентом. — Но Тим, похоже, его переплюнул.

— Похоже, — не возражает Лэнг. — Ну что ж, Рави, это Америка... «Кислота» под запретом, а все её едят на завтрак, обед и ужин. А во времена «сухого закона» пол-страны пьяной было. И вроде не с чего пьянеть было... Кстати, закинуться не хочешь?

— Нет, спасибо, — улыбается индиец. — Мне скоро выходить... если Тим позволит.

Лэнг невольно улыбается тонкой восточной шутке.

* * *

Это был тот самый Тим Хардин, которого откачивали с четырёх часов дня от жуткой передозировки ЛСД и добились лишь того, что он смог взять в руки гитару, вспомнить слова нескольких песен и более-менее устойчиво стоять на ногах. Индийцем же был ни кто иной, как сам Рави Шанкар